

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-121-130

EDN: RMASLD

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55



Ссылка для цитирования: *Омельянчук И. В.* Первая Государственная Дума в оценках правых // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 121–130. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-121-130. EDN: RMASLD

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В ОЦЕНКАХ ПРАВЫХ

И. В. Омельянчук

Московский городской педагогический университет, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 1;

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1

Omeliyanchuk@mail.ru

Scopus Author ID: 55507732900

Researcher ID: HKN-3136-2023

SPIN-код: 8441-5574

Статья посвящена отношению монархистов к I Государственной Думе. Несмотря на наличие в правом лагере различных течений, отношение к ней монархистов было единодушным. Критикуя парламентаризм, они не могли выступить против Думы, созданной высочайшей волей, и приняли участие в избирательной кампании, впрочем, без всякого успеха; победу одержала оппозиция. Правым ничего не оставалось, как заявить, что большинство депутатов не являются истинными представителями народа, так как попали в нее с помощью обмана. Кроме того, монархисты предупреждали, что доминирование оппозиции в Думе приведет к ее конфликту с правительством. Первые шаги представительного органа подтвердили правоту монархистов: парламентарии потребовали политической амнистии и отмены смертной казни, что, по мнению правых, в условиях продолжающегося террора привело бы лишь к росту революционного насилия. Негодование монархистов вызвал и ответ Думы на тронную речь. Написанный в дерзкой форме, он свидетельствовал о намерении парламентариев вырвать власть из рук самодержца. Осудили правые и думские аграрные законопроекты, предполагающие отчуждение помещичьих земель, что не только нарушало священное для консерваторов право собственности, но и несло негативные, по мнению монархистов, последствия для крестьян. Придя к выводу, что Дума только разжигает в стране революцию, правые потребовали ее роспуска. После попытки Думы выступить с обращением к народу по аграрному вопросу правительство решилось наконец на ее роспуск, полностью одобренный монархистами.

Ключевые слова: Государственная Дума, самодержавие, монархисты, избирательная кампания, депутатский корпус.

К началу XX в. идея парламентаризма, уже прочно утвердившаяся в политическом пространстве западной цивилизации, «проникла, к несчастью, в русские безумные головы», как выразился обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев (*Победоносцев*, 1993, с. 31). Революционные события 1905 г., приведшие к созданию законодательной Государственной Думы, перевели отвлеченные споры о конституции и парламенте в практическую плоскость, и монархистам пришлось определять свое отношение к новому политическому институту.

Хотя проблема оценки монархистами I Государственной Думы ранее не становилась предметом специального исследования, тем не менее она затрагивалась в некоторых обобщающих работах по правому движению. Среди них стоит выделить работу С. А. Степанова, выдержавшую несколько переизданий [*Степанов*, 2005], нашу монографию [*Омельянчук*, 2007], а также труды А. В. Репникова [*Репников*, 2007], А. А. Иванова [*Иванов*, 2024] и Д. Роусона [*Rawson*, 1995]. Кроме того, интересующей нас проблемы касаются работы А. А. Иванова, посвященные лидерам правого движения [*Иванов*, 2020, 2023].

Источниковая база нашего исследования представлена партийными документам региональных правых организаций, отложившимися в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Владимирской области (ГАВО), правой повременной печатью (столичные газеты «Московские ведомости» и «Вече», провинциальная – «За Царя и Родину»), работами правых политиков (Грингмут, 1910; Пуришкевич, 1912; Восторгов, 1915; Родзевич, 1906) и публицистов (Пасхалов, 2010; Смирнова, 1906; Тихомиров, 1998; Черников, 1906), а также личными документами Б. В. Никольского (ГАРФ. Ф. 588). Данный корпус источников вполне репрезентативен для разрешения заявленной проблемы.

Отношение русских монархистов к парламентаризму было заложено еще работами Победоносцева, утверждавшего, что «начало народовластия» является одним «из самых лживых политических начал», так как «в действительности власть принадлежит не народу, а его представителям» (Победоносцев, 1993, с. 32, 33). Этот тезис стал ключевым в идеологических построениях правых в начале XX в. [Омельянчук, 2015]. Например, в программном документе «Союза землевладельцев» (осень 1905 г.) отмечалось, что «парламентаризм, основанный на механическом и условном принципе “большинства”... устанавливает над народом деспотическую власть политических партий» (Московские ведомости, 1905, 18 ноября).

В то же время, критикуя «власть народного представительства», правые не отрицали полезность «представительства народа при власти», так как «истинная монархия... не может существовать без присутствия около себя “голоса земли”» (Тихомиров, 1998, с. 96). Поэтому часть монархистов одобрила создание Государственной Думы, видя в ней инструмент если не борьбы с бюрократией, то хотя бы контроля над ней. С созывом Думы «русский народ, в лице избранных им же лучших людей, станет лицом к лицу перед Царем и скажет ему всю правду о земле Русской», – писала одесская правая газета (За Царя и Родину, 1906, 2 апреля). Председатель Союза русского народа (СРН) А. И. Дубровин во время приема союзников царем заявил: «Великий Государь... [мы] с нетерпением ждем созыва Государственной думы...» [Иванов, 2024, с. 280]. В. М. Пуришкевич также приветствовал учреждение Государственной Думы [Иванов, 2020, с. 88]. Эти взгляды нашли свое отражение и в партийных документах, особенно в провинциальных организациях, менее склонных подвергать сомнению решения самодержца. Так, устав Шуйского Союза русских православных людей (ШСРПЛ), принятый в декабре 1905 г., рассматривал Думу как орган «непосредственной связи между державною волею Царя и правосознанием народа» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908 г. Д. 50. Л. 13 об.). А верноподданническая телеграмма от имени Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии (ИВСМП), отправленная 1 января 1906 г., выражала «глубокую надежду на скорый созыв Государственной Думы ради скорейшего умиротворения страны» (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 12).

Но была в правом лагере и другая точка зрения. Председатель Русской монархической партии (РМП) В. А. Грингмут в начале января 1906 г. заявил: «Раз решены в настоящее мятежное время и выборы, и созыв Государственной Думы, – этим самым решено и продолжение, и усиление нашей смуты» (Грингмут, 1910, с. 37). Он полагал, что, либо Дума лишит царя самодержавной власти, либо Царь лишит «мятежную» Думу ее полномочий. Однако правые не могли выступать против воли самодержца, поэтому тот же Грингмут писал: «Монархисты считают всякое выборное законодательное собрание несовместимым с неограниченною Властью Русских Царей... Тем не менее, повинувшись Царской Воле, монархисты примут самое деятельное и энергическое участие в Думских выборах...» (Там же, с. 200). Представитель ИВСМП А. Р. Фельдман заявил, что его однопартийцы, «покорные воле Государя своего, признают Государственную Думу» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 6 об.).

При этом правые доказывали, что представительный орган несколько не ограничил власть монарха. Первый всероссийский съезд «Русского собрания» (Петербург, 8–12 февраля 1906 г.) отверг мысль о том, что Манифестом 17 октября в России «введена конституционная форма правления (Правые партии, 1998, с. 125). И. И. Восторгов утверждал, что русские люди не могут отказаться от «завещанного нам историей самодержавия царей» (Восторгов, 1915, с. 22). Активист ИВСМП А. Р. Фельдман на основании исключения из ведения Думы четырех министерств (императорского двора, военного и морского и иностранных дел) доказывал, что

самодержавие «остаётся в полном объеме» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 6 об.). По мнению правой одесской газеты, Дума «должна ограничивать лишь власть стоящих у трона временщиков» (За Царя и Родину, 1906, 8 апреля).

Тем не менее правые были уверены, что созыв Государственной Думы станет судьбоносным для страны событием и призывали своих сторонников принять самое активное участие в выборах. В обращении РМП говорилось: «Приближается время решить судьбу нашего Отечества, и за это решение мы будем отвечать пред нашими предками и отдаленными потомками» (Григмут, 1910, с. 45, 46). Восторгов рассматривал участие монархистов в думских выборах «как долг святой перед Богом и родиной» (Восторгов, 1915, с. 8). Фельдман предупреждал, что «пассивное отношение [к выборам] сейчас не только не уместно, но прямо-таки преступно» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 6 об.). Одесские монархисты призывали единомышленников «хоть на время выборов» отбросить апатию и заняться «дружно общим делом», памятуя, что «мы переживаем великий исторический момент» (За Царя и Родину, 1906, 2 апреля).

В апреле монархистам стало понятно, что на выборах в Думу безоговорочную победу одержала оппозиция. В. А. Демин полагает, что из 499 избранных членов Думы правыми можно назвать только 8 человек [Демин, 1996, с. 27]. Д. Роусон сокращает это количество до 6 [Rawson, 1995, p. 168]. Правые попытались объяснить свое поражение. «Русское знамя», комментируя итоги выборов, негодовало: «Выборы в Государственную думу, а выборщики готовы за стакан чая выбрать кого угодно» [Степанов, 2005, с. 168]. Правый публицист Н. Черников писал: «Всеобщая неподготовленность и растерянность облегчили избрание наиболее наглых» (Черников, 1906, с. 218). Один из лидеров одесских правых Н. Н. Родзевич доказывал, что «монархисты имели неуспех на выборах потому, что русский народ в массе не желал Думы и не стремился к ней». Кроме того, «кадеты» действовали «насилием, обманом и заманчивыми обещаниями, которых они не в состоянии выполнить», монархисты же такие приемы не использовали (Московские ведомости, 1906, 9 апреля). По мнению газеты «За Царя и Родину», победа оппозиции была вполне ожидаема, у нее имелись «избирательные комиссии, в которых как председатели, так и члены были их единомышленники», денежные средства и, наконец, незаконные средства предвыборной борьбы – «их юная гвардия обоего пола прямо выхватывала из рук и рвала избирательные листки, орала, неистовствовала... Очень многие захваченные врасплох избиратели подавали чужие листки, у многих самым наглым образом листки подменялись» (За Царя и Родину, 1906, 16 апреля). Н. Е. Марков Второй возложил вину за поражение монархистов на выборах на крестьянство, которое не оправдало царского доверия, «поверив несбыточным и вполне не исполнимым посулам всяких проходимцев» [Иванов, 2023, с. 93].

Предсказания правых по поводу перспектив оппозиционной Думы не отличались оптимизмом. По мнению правого публициста Н. А. Знаменского, эта «бутафория западного политического гешефтмахерства» не приживется на русской почве (Московские ведомости, 1906, 1 января). Московские ведомости утверждали, что Дума «явится показательницей всех отрицательных сторон жизни Русского Государства» (Московские ведомости, 1906, 5 апреля) и что Россия «быстрыми шагами» пойдет по пути своего разложения «под иго и деспотизм всемирного еврейско-масонского тайного общества, которое... тайно управляет государствами и народами», действуя посредством «представительных учреждений» (Московские ведомости, 1906, 7 апреля). Крайне правое «Вече» писало, что «в Государственной Думе русский народ-строитель будет подавлен элементами, ему враждебными» (Вече, 1906, 22 апреля). Одесская газета «За Царя и Родину» предсказывала противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти, носящее экзистенциальный характер: «Конфликт с правительством явится неизбежным, и подобная Дума, искусственно составленная не из достойнейших свободно народом избранных лучших людей, народных представителей, а из людей, ничего общего не имеющих с русским народом и его нуждами, должна будет пасть и быть распушенной Правительством...» (За Царя и Родину, 1906, 16 апреля).

Тезис о том, что члены Думы не являются истинными представителями народа, получил одобрение еще на II Всероссийском съезде Русских людей (Москва, 6–12 апреля 1906 г.), в резолюциях которого говорилось: «Государственная Дума в том составе, который определился

выборами, не может быть признана выразительницей истинных убеждений Русского народа» (Московские ведомости, 1906, 13 апреля). Председатель СРН Дубровин на митинге в Михайловском манеже назвал Думу «вражеской», а на страницах «Русского знамени» заявил, что большая часть депутатов попала в Думу по «врачебному недосмотру» [Иванов, 2025, с. 17, 18]. Грингмут заявил, что царь предложил народу «прислать ему лучших, достойнейших людей, а выборами овладели, путем обмана и насилия, враги Царя и России, и прислали Царю большинство людей худших». По его мнению, за исключением части крестьянских представителей, в основном в Думу «прошло отребье провинциальной так называемой “интеллигенции”», а «многие депутаты приехали в Думу прямо из тюрем, где они содержались за свою революционную деятельность» (Грингмут, 2010, с. 116, 117). Газета «За Царя и Родину» после выборов написала: «Царская воля свершилась. Дума собралась, но... Дума не наша, не русская» (За Царя и Родину, 1906, 30 апреля). Орловский «Союз законности и порядка» сообщал Царю, что «члены Думы, за единичными исключениями, не есть представители русского народа и не те “лучшие выборные люди от всей Земли Русской”, которых Ты требовал послать к Тебе», так как «попали они в Государственную Думу путем лжи и насилия» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 31. Л. 1 об.).

Грингмут подчеркивал антипатриотизм думских «кадетов» и «социалистов», радовавшихся «победам японцев, так как победы эти помогали русской крамоле», а их «любимый их оратор Петрункевич» даже заявил, что «для него “слово патриот стало отвратительным!”» (Грингмут, 1910, с. 129, 130).

Именно И. И. Петрункевич произнес первую речь с думской трибуны, потребовав всеобщей политической амнистии и заявив, что «свободная Россия требует освобождения всех пострадавших» от полицейских репрессий (Государственная Дума. Стенографические отчеты, 1906, с. 3). Данное заявление отнюдь не являлось проявлением эмоций победителей выборов, а было согласовано лидерами оппозиции С. А. Муромцевым и М. М. Ковалевским [Портнягина, 2013, с. 144]. После выступления Петрункевича монархически настроенные торговцы-охотнорядцы выразили свое недоумение в телеграмме царю: «Мы прочитали Твои золотые слова к депутатам, позаботиться о крестьянах, а речь первая в Думе Петрункевича была освободить из тюрем крамольников, разрушителей Русского Царства...» (За Царя и Родину, 1906, 7 мая).

Спустя три дня член Думы от Московской губернии В. Н. Чурюков потребовал послать телеграмму царю с просьбой «об освобождении сегодня же всех политических заключенных по политическим, военным и аграрным делам» и предъявил ультиматум самодержцу, считая «невозможным приступать ни к каким делам Думы, стоящим на очереди» (Государственная Дума. Стенографические отчеты, 1906, с. 34, 228). Депутат от Вятской губернии С. М. Корнильев предложил довести до царя «непреклонную волю» Государственной думы о необходимости амнистии. При этом «гг. члены Думы» категорически отказались осудить революционный террор, как предлагал представитель Орловской губернии М. А. Стахович (Там же).

Грингмут объяснял требования депутатами амнистии их стремлением захватить власть: революционеры в Думе хотят, чтобы правительство «выпустило им на подмогу всех еще не бежавших из тюрем осужденных и неосужденных “политических” арестантов и преступников», ибо без них думцы «своего разрушительного дела до конца довести не могут» (Грингмут, 1910, с. 118, 120) Одесские правые также считали, что «естественными союзниками такой Думы являются политические преступники», поэтому ее основным требованием стало «освобождение всех политических, включая убийц» (За Царя и Родину, 1906, 7 мая), а Родзевич для доказательства этого тезиса привел слова члена Думы от Одессы Е. Н. Щепкина, заявившего, что «забастовщики, бомбометатели и убийцы» их, депутатов, «товарищи и союзники, да только более горячие и менее удачливые» (Родзевич, 1906, с. 2).

Дума также настаивала на отмене смертной казни, что, по мнению правых, в условиях продолжающегося революционного террора, имело бы губительные для страны последствия. «Орловский Союз законности и порядка» писал царю, что Дума приступила не к «умиротворению потрясенного смутой Отечества», а к выполнению «намеченной ранее партийной программы своей – низвергнуть исконное Самодержавие русских государей» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 31. Л. 1). Она потребовала политической амнистии и отмены смертной казни лишь для того,

чтобы «продолжать дело революции при помощи главных бойцов своих», лишенных пока «возможности действовать бомбами, браунингами и кинжалами» (Там же). Астраханская народно-монархическая партия (АНМП) обращала внимание на то, что «люди, требующие отмены смертной казни, в то же время относятся сочувственно к убийцам», которые чуть ли не ежедневно лишают жизни тех, чьи «убеждения или деятельность... им не нравится», и заявляла, что «лишь ужас потерять жизнь может остановить от преступного деяния» террористов, а отмена смертной казни только «породит новых преступников» (Правые партии, 1998, с. 166).

Первые выступления в стенах Таврического дворца показали, что Дума не настроена на поиск компромисса с правительством. По мнению газеты «За царя и Родину», она с первых же шагов «становится во враждебное отношение к правительству, причем один из ее членов, профессор Шершневич заявил, что Дума и правительство “две прямо враждебные друг другу стороны. Война может разгореться ежеминутно”» (За Царя и Родину, 1906, 7 мая). Характерно, что даже кадеты признавали конфронтационный настрой российского парламента. В. А. Маклаков утверждал, что в руководстве кадетской партии «еще до открытия заседаний Думы возобладало мнение о необходимости пойти на конфликт с монархией» и об отказе от нормальной законотворческой деятельности [Сараева, 2023, с. 71, 73, 74]. По мнению М. М. Винавера, «к конфликту никто сознательно не стремился, но о нем говорилось почти игриво... общество было уверено, что, когда грянет буря, кто-то за Думу постоит, и народное представительство выйдет из борьбы еще крепче» (Винавер, 1907, с. 3).

Особенно ярко намерения депутатов проявились в ответном адресе на тронную речь царя, являвшимся, по сути, изложением кадетской программы, с некоторыми уступками трудовикам в аграрном вопросе (чтобы получить их голоса в поддержку адреса). В дополнение к прозвучавшим ранее требованиям амнистии и отмены смертной казни Дума потребовала ликвидировать Государственный совет, ввести ответственность министров перед народным представительством, без чего «никакое умиротворение страны невозможно», распространить полномочия Думы на области законодательства, ранее бывшие в компетенции монарха, разрешить крестьянский вопрос за счет «принудительного отчуждения земель частновладельческих». Она также намеревалась «озаботится укреплением в армии начал справедливости и права», что не могло быть воспринято иначе как попытка ослабить дисциплину в войсках. Даже такие общедемократические требования, как всеобщее избирательное право и отмена «ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религией или полом», в контексте документа выглядели как покушение на prerogatives монарха. Завершался адрес фактическим ультиматумом: думцы назвали амнистию «залогом... взаимного согласия между Царем и народом» и указали самодержцу на то, что с исполнением этого «требования народной совести... нельзя медлить» (Государственная Дума. Стенографические отчеты, 1906, с. 239–241).

Грингмут назвал думский адрес «призывом к мятежу», содержащим «неслыханные по своей дерзости требования», и полагал, что его главная цель – создать «конфликт» между монархом и народом для низвержения царя, «который-де “противится воле народа”», По его мнению, думцы знали, что их требования «неисполнимы», но именно на это и рассчитывали: такие требования царь вынужден будет отвергнуть, что станет детонатором для нового революционного взрыва. Однако, как писал лидер РМП, планы «крамольников» не осуществились: кадетскую делегацию самодержец принять отказался, и ей не удалось «разыграть в Царском Дворце эффектную “сцену народного негодования” a la Mirabeau» (Грингмут, 1910, с. 121, 122).

По мнению Дубровина, составив этот адрес, «большинство псевдопредставителей народа проявили... акт величайшей грубости, дерзости и полной невоспитанности», стремясь нанести «как можно большую обиду» государю, который «имел неоспоримое право ждать только одной благодарности» [Иванов, 2025, с. 17]. «Необыкновенно наглый тон, который приняла Государственная Дума после безукоризненной и полной достоинства “приветственной речи” Государя, производит самое тяжелое, неблагоприятное впечатление на всю страну», – писала газета «За Царя и Родину» (За Царя и Родину, 1906, 7 мая). По ее мнению, «крайнее левое меньшинство... требует для себя самодержавной и неограниченной власти, против которой оно боролось» ранее (Там же). АНМП в обращении к монарху заявила, что ее члены возмущены «дерзким тоном проекта ответа Государ-

ственной Думы на тронную речь», и указала на ясно выраженные в адресе «насильнические стремления думцев захватить Верховную Власть» (Правые партии, 1998, с. 167).

13 мая премьер-министр И. Л. Горемыкин ответил отказом на все требования Думы, которая, по его мнению, «вышла из тех границ, которые ей Царской волей поставлены» (Родзевич, 1906, с. 2). Но, как с возмущением писал Родзевич, «крамольная Дума», забыв «о том, что не ей принадлежит Самодержавная власть» в ответ «потребовала отставки всех министров и назначения новых из среды самой Думы!» (Там же).

Не меньшее возмущение правых вызвали и думские аграрные законопроекты. Монархисты признавали существование проблемы крестьянского малоземелья и до выборов даже надеялись в этом вопросе на созываемую Думу. Например, в программе ШСРПЛ имелся пункт «О наделе крестьян землею от казны по закону, имеющему быть выработанному Государственной Думой» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 50. 1908 г. Л. 12 об.). Однако способы разрешения в Думе аграрного вопроса, включавшие принудительное отчуждение помещичьих земель и уравнение крестьян в правах с остальными сословиями, не устроили монархистов. Одесская газета «За Царя и Родину» предупреждала крестьян: «...для Вас это равноправие будет равносильно изгнанию с земель, которые вы теперь желаете отнять у помещиков и казны! Возьмете эти, пока вы крестьяне, но от вас отнимут их, как только вы сделаетесь свободными гражданами» (За Царя и Родину, 1906, 14 мая). В другом номере утверждалось, что Дума намерена отобрать всю частновладельческую землю (включая купленную крестьянами) и «запретить всем иметь другую землю, кроме арендованной», у казны, что будет невыгодно крестьянам, так как аренда «обязывает землепашца работать всю свою жизнь на другого» (За Царя и Родину, 1906, 23 июня). В одном из писем, адресованных члену «Русского собрания» Б. В. Никольскому, говорилось, что «богомерзкая дума» забирает себе всю землю – «и церковную, и дворянскую, и купеческую, и крестьянскую надельную и купленную, и будет ее отдавать в аренду жидам, а вы, русские, доселе земельные, а ныне безземельные пойдете к этим жидам в батраки и вечную кабалу» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1294. Л. 2). К. Н. Пасхалов считал, что частное землевладение «заслужило такую ненависть гг. [господ – И. О.] трудовой группы» потому, что «его уничтожение в России, стране по преимуществу земледельческой, есть вернейший путь к разрушению Государства» (Пасхалов, 2008, с. 93).

Родзевич, критикуя предлагаемое Думой «отчуждение» частновладельческих земель за нарушение права частной собственности землевладельцев, доказывал, что и крестьяне от в этом случае ничего не выиграют, ибо лишатся заработков в помещичьих экономиях. Кроме того, если раздавать изъятую у владельцев землю по трудовой норме всем желающим, то «придут из городов безземельные рабочие, мелкие ремесленники... все они потребуют земли, и по справедливости и им придется дать», в итоге крестьянское землевладение даже уменьшится. Родзевич также указывал и на еще одно негативное последствие думской аграрной реформы: технические культуры для винокуренных заводов и суконных фабрик выращивают только в помещичьих экономиях, если передать их землю крестьянам, то такие культуры они выращивать не будут, и многие предприятия вынуждены будут закрыться из-за недостатка сырья. Вздожают производимые ими товары, и сократится количество рабочих мест в стране. Также он обращал внимание на то, что урожайность помещичьих земель выше, чем крестьянских, и если передать всю землю крестьянам, то в стране уменьшится валовый сбор зерна, сократится его вывоз за границу, и казна опустеет (Родзевич, 1906, с. 3–6).

Газета «За Царя и Родину» обращала внимание и на моральную сторону предложения думцев об отчуждения помещичьих земель. Дело в том, что все сторонники кадетского аграрного законопроекта заранее продали свои владения. Так, «главный отчуждатель помещичьих земель» Ф. И. Родичев «заблаговременно» продал свое имение в Тверской губернии, А. А. Свечин избавился от имения в Черниговской губернии и приобрел «два дома в Киеве», М. М. Ковалевский «продал за полтора миллиона свое имение в Харьковской губернии и приобрел себе около Ниццы во Франции дачу» (За Царя и Родину, 1906, 23 июня). Так же поступил и «гроза помещиков» В. Д. Набоков: продав имения жены и тестя и оставив только 150 десятин «для избирательного ценза», он приобрел имение в Богемии (Там же).

Возмущались монархисты и непомерным политическим самомнением Думы. Пасхалов утверждал, что народное представительство «присвоило» себе «свойство непогрешимости и титул державности» (Пасхалов, 2008, с. 96), а правая одесская газета писала, что председатель Думы «сверхсамодержец» С. А. Муромцев провозгласил «догмат о непогрешимости Государственной Думы», которая «признается им “вне упреков”» (За Царя и Родину, 1906, 14 мая). Правые также обвиняли народных представителей в использовании двойных стандартов. В брошюре С. Смирновой «Черная сотня» рассказывалось о выставленной в Казани картинке, на которой были изображены сидящий на троне сатана, а рядом «на тронах, только поменьше, граф Витте и князь Долгоруков» и далее «на бочках все члены Государственной Думы». Автор подчеркивала, что «эта карикатура продается открыто, совершенно также, как год назад продавались на Невском карикатуры на министров» (Смирнова, 1906, с. 3). Но почему-то «поклонники первой Думы» недовольны. «Лубочные картинки были хороши, когда они представляли в смешном, даже гнусном виде правительство, но, когда стали выпускать лубочные пародии на депутатов – они пришли в негодование», – писала С. Смирнова (Там же).

Недовольство правых вызывала и результативность работы I Думы: за время своей работы она приняла лишь два законопроекта – инициативный об отмене смертной казни (отклонен Госсоветом) и правительственный о выделение средств пострадавшим от неурожая. Правда, как отмечалось в одной из листовок СРН, кабинет просил на эти цели 50 млн руб., но «думцы расщедрились» и «вместо пятидесяти миллионов ассигновали пятнадцать», дабы заставить Министерство финансов еще раз обратиться к Думе за деньгами для голодающих (Правые партии, 1998, с. 172). Правительственный же законопроект по аграрному вопросу Дума рассматривать отказалась, объявив его «провокацией» (За Царя и Родину, 1906, 2 июля).

В начале июня Ярославский отдел СРН телеграфировал председателю Думы: «Истинно-русский народ с отвращением взирает на позорную и преступную деятельность членов Думы, действующих в революционном духе, на их готовность предать Родину инородцам и взывает к патриотизму тех, которые остаются верными Богу, Царю и Отечеству» (За Царя и Родину, 1906, 11 июня).

В этот же период некий «Исполнительный Комитет Истребления Негодяев» в стихотворной форме оценил работу Государственной Думы:

Когда скончался вдруг Великий Миротворец [Александр III]
Предатель и подлец и всякий хам пропоец
В соборных и в толпе безумно заорал
Царь тотчас думу дал.
И как в ограду скот согнали в этой думе
Слепую сволочь всю с дворца до рубежа
Потом засели преть и получилось в сумме
Бессмысленный разврат и принцип грабежа
(ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1294. Л. 1. 5).

Характеризуя Думу, Восторгов писал, что она была учреждена царем, чтобы сблизиться с народом, однако «враги» обратили ее «в новую и высокую стену между Царем и народом» (Восторгов, 1915, с. 48). Царь дал свободу слова, «ее обратили в свободу сквернословия и клеветы», царь дал «свободу союзам... ее обратили в свободу разбойных шайк», царь дал свободу совести, «ее обратили в свободу от совести, в торжество бессовестности» и превратили «в оружие борьбы с русским православным народом» (Там же). Дубровин так подвел итоги работы российского парламента первого созыва: «Думские ораторы громили бюрократию... и восхваляли бомбометателей. Они требовали амнистию убийцам и грабителям; лицемерно надувая народ, требовали земли и воли крестьянам... требовали ответственного министерства, учредительного собрания, вотировали недоверие министрам, осыпали их площадной бранью, дерзнули даже касаться Священной Особы монарха. Неистовствуя якобы от имени народа и ради его якобы пользы и нужд, они на самом деле преследовали только свои кровожадные интересы, сводили личные счёты, яростно вырывали власть из рук правительства... Они обвиняли прави-

тельство в провокации, в устройстве погромов, а сами в своих речах сеяли вражду и усобицу...» (Дубровин, 1907, с. 8, 9).

С лета 1906 г. монархисты свои требования роспуска Думы стали выносить в публичную сферу. Одесские правые, например, использовали для этого убийство командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г. П. Чухнина, произошедшее 28 июня. После этого террористического акта газета «За царя и Родину» обвинила «составленную из сборища революционеров» Думу «чуть ли» не в проповеди политических убийств и потребовала немедленного ее роспуска (За Царя и Родину, 1906, 2 июля). А одесский отдел СРН в тот же день отправил телеграмму на Высочайшее имя, в которой говорилось, что Государственная Дума не оправдала надежд монарха и, превысив свои полномочия, «вместо того чтобы успокоить страну, усилила смуту», поэтому необходимо освободить «нашу родину от такой Думы» (За Царя и Родину, 1906, 9 июля).

4 июля Дума решила выступить с обращением к народу в ответ на министерскую декларацию о недопустимости принудительного отчуждения частной поземельной собственности. Этот шаг, по словам октябриста В. И. Герье, «равносильный открытому объявлению войны правительству, не мог не произвести сильного впечатления вне стен Таврического дворца» (Герье, 1906, с. 93), и правительство, наконец, решилось распустить представительный орган. «Думы нет! Нет больше Думы! Кончился тяготевший над Россией двухмесячный позор!», – торжествовал Грингмут (Грингмут, 1910, с. 168). Особенно радовало монархистов, что «тех крупных беспорядков, того общего восстания, которым запугивали русское население господа Аладыны, Жилкины, Винаверы и т.п.» в случае роспуска Думы, так и не последовало. Население, по мнению правых, восприняло этот шаг правительства совершенно спокойно, «да иначе оно и быть не могло», ибо Дума представляла собою «сборище людей ничего общего не имеющих с русским народом, нужды его не знающих, жизни его не понимающих» и которые в течение 72 дней стремились «оскорблять все то, что веками считалось свято русскому человеку» (За Царя и Родину, 1906, 23 июля).

При этом Грингмут предлагал представительный орган вообще ликвидировать, ибо вторая Дума «будет, несомненно, еще хуже первой», если выборы в нее «будут производиться на тех же основаниях» (Грингмут, 1910, с. 170). Пуришкевич также выразил уверенность в том, что новая Дума будет не лучше предыдущей:

Господь Содома и Гоморры
Не повторит, и диких рать [революционеры]
Дня через три, дней через пять,
Пойдет нам сызнова писать
Революционные узоры (Пуришкевич, 1912, с. 252).

Таким образом, отношение монархистов к Государственной Думе было двойственным: с одной стороны, они не могли признать никаких ограничений самодержавия, с другой – Российский парламент был создан повелением царя, что придавало ему известную легитимность в глазах правых. Поэтому изначально монархисты возлагали на Думу определенные надежды в деле успокоения страны. Однако выборы продемонстрировали их электоральную слабость, принеся решительную победу оппозиции. Не считая возможным критиковать решение царя, создавшего Государственную Думу, правые сосредоточили огонь своей критики на ее членах, объявив, что большинство депутатов не являются истинными представителями народа, так как победили на выборах с помощью лжи и насилия.

Зная результаты выборов, правые еще до открытия Думы предсказывали, что она вступит в конфликт с правительством и будет распущена. Начало работы российского парламента и первая речь И. И. Петрункевича о необходимости амнистии подтвердили их предположения. А требования думцев об отмене смертной казни в условиях непрекращающегося революционного террора и дерзкий ответный адрес Думы императору окончательно убедили монархистов в нежелании Думы сотрудничать с исполнительной властью. Вместо разработки законопроектов, направленных на решение острейших проблем, стоявших перед страной, депутаты сосредоточились на политических декларациях: амнистии, отмене смертной казни, ответственном мини-

стерстве, отставке правительства, оскорблениях армии и т.п. Даже аграрный вопрос, предложенный по решению которого от Думы ожидали и население, и правительство, стал в Таврическом дворце лишь инструментом политической пропаганды.

Дума, по выражению правых, превратилась в «гнездо революции», следствием чего стало не только сохранение остроты политического противостояния в стране, но и ослабление авторитета как противостоящего ей правительства, так и старавшегося держаться над этим конфликтом монарха, что по мнению черносотенцев, несло гибельные последствия для государства. Поэтому решительный шаг Николая II, распустившего народное представительство, получил полную поддержку правых, а часть из них предлагала и вовсе ликвидировать Думу, утверждая, что новые выборы по «виттевскому» избирательному закону опять принесут победу радикальной оппозиции.

Список источников

- Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 1–32.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 588. Оп. 1. Д. 1294. Л. 1–7; Оп. 3. Д. 31. Л. 2–11.
Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 1–16; Оп. 187. 1908 г. Д. 50. Л. 1–13.
Вече. 1906. 22 апреля.
Винавер М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907. 184, II с.
Восторгов И.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. 1906–1908. М., 1915. 794, VII с.
Дубровин А.И. Тайны судьбы (фантазия-действительность). СПб., 1907. 27 с.
Герье В. Первая русская Государственная Дума. М., 1906. 120 с.
Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. СПб., 1906. XXII, 866 с.
Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. 410 с.
За Царя и Родину. 1906. 2 апреля; 8 апреля; 16 апреля; 30 апреля; 7 мая; 14 мая; 11 июня; 23 июня; 2 июля; 9 июля; 23 июля.
Московские ведомости. 1905. 18 ноября; 1906. 1 января; 5 апреля; 7 апреля; 9 апреля; 13 апреля.
Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М., 2008. 720 с.
Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. 632 с.
Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. 720 с.
Пуришкевич В. В дни бранных бурь и непогоды. Сборник стихотворений. СПб., 1912. Т. 1. 525 с.
Родзевич Н.Н. Беседа с крестьянами о Государственной думе и о земле. Одесса, 1906. 9 с.
Смирнова С. Черная сотня. СПб., 1906. 16 с.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. 672 с.
Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 8. С. 208–220.

Библиографический список

- Демин В.А. Государственная дума Российской империи: механизм функционирования. М.: РОС-СПЭН, 1996. 216 с. ISBN: 5-86004-034-2. EDN: XUUNFR.
Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с. ISBN: 978-5-93615-350-1. EDN: KJARUR.
Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с. ISBN: 978-5-93615-362-4. EDN: BECHGH.
Иванов А.А. Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума: от надежды до бойкота // Российская история. 2025. № 6. С. 16–33. DOI: 10.7868/S3034579025060119. EDN: UQZKXC.
Омельяничук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с. ISBN: 966-608-467-8. EDN: CZJMVO.
Омельяничук И.В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35. EDN: VRFSNP.

Портнягина Н.А. I Государственная Дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 3. С. 140–150. EDN: QLQDAX.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.
Сараева Е.Л. Ответный адрес кадетов как источник конфликта I-й Государственной думы с «исторической властью»: идеи В.А. Маклакова // Социально-политические исследования. 2023. № 2(19). С. 66–82. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_2_19_66. EDN: OYWAZE.
Степанов С. Черная сотня. 2-е изд. М.: Эксмо: Яуза, 2005. 544 с.
Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 286 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.01.2026

THE FIRST STATE DUMA FROM THE PERSPECTIVE OF THE RIGHT

I. V. Omeliyanchuk

Moscow City University, 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, 4, bldg. 1, Moscow, 129226, Russia
Bauman Moscow State Technical University, 2nd Baumanskaya St., Building 5, Bldg. 1, Moscow, 105005, Russia
Omeliyanchuk@mail.ru
Scopus Author ID: 55507732900
Researcher ID: HKN-3136-2023
SPIN: 8441-5574

The attitude of the right (monarchists) towards the first State Duma was unanimously negative, despite the presence of several trends in the conservative camp. Despite their rejection of the principle of parliamentarism, the right-wingers recognized the State Duma created by the tsar and took part in the election campaign. Having suffered a crushing defeat in the elections, the monarchists declared that the elected deputies were not true representatives of the people, as they got into the Duma through deception and bribery. What is more, the Right-wingers considered it impossible for the opposition Duma and the government to cooperate. The first steps of the Russian parliament have confirmed their correctness. The Duma demanded a political amnesty from the government and the abolition of the death penalty, which angered right-wingers who pointed out that impunity for criminals would only lead to an escalation of revolution violence in Russia. The monarchists accused the Duma of intending to seize supreme power, as proved by the deputies' "audacious" response to the throne speech, which contained a demand for a responsible ministry. Duma agrarian bills violated the right to private property were also rejected by the rights. Furthermore, revolutionary speeches were regularly delivered from the Duma rostrum, which allowed the right to claim that the Russian parliament had become a "hotbed of revolution" and demand its immediate dissolution. After an attempt by the Duma to issue a "manifesto" in response to the government's declaration on the agrarian question, the latter finally decided to dissolve it. This move received the full support of the right, some of whom even suggested not calling a second Duma at all, as it would be no better than the first.

Key words: State Duma, autocracy, monarchists, election campaign, deputies.

References

- Demin, V. A. (1996). *The State Duma of the Russian Empire: The mechanism of functioning*. ROSSPEN.
Ivanov, A. A. (2020). *Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich*. Vladimir Dal'.
Ivanov, A. A. (2023). *The leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov*. Vladimir Dal'.
Ivanov, A. A. (2024). *Right-wing parties of the Russian Empire*. Vladimir Dal'.
Ivanov, A. A. (2025). Dr. A. I. Dubrovin and the State Duma: From hope to boycott. *Rossiyskaya istoriya*, (6), 16–33.
Omeliyanchuk, I. V. (2007). *The Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)*. MAUP.
Omeliyanchuk, I. V. (2015). Parliamentarism in the ideology of Russian conservatives of the early twentieth century. *Voprosy istorii*, (2), 13–35.
Portnyagina, N. A. (2013). The First State Duma in the struggle for power: An assessment of revolutionary terror. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 4(3), 140–150.
Rawson, D. C. (1995). *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge University Press.
Saraeva, E. L. (2023). The reply address of the Cadets as a source of conflict between the First State Duma and the "historical government": The ideas of V. A. Maklakov. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, 19(2), 66–82.
Stepanov, S. (2005). *Black Hundred*. Eksmo; Yauza.